

Рэймонд
Чандлер

ВЕЧНЫЙ СОН

« И Н О С Т Р А Н К А »

Филип Марлоу

Рэймонд Чандлер

Вечный сон

«Азбука-Аттикус»

1939

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чандлер Р.

Вечный сон / Р. Чандлер — «Азбука-Аттикус», 1939 — (Филип Марлоу)

ISBN 978-5-389-16557-0

Книги Рэймонда Чандлера о Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. Данное издание содержит три первых романа о знаменитом частном сыщике – «Вечный сон», «Прощай, красавица» и «Высокое окно». Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений – они сами его находят, причем сюжет, изобилующий фирменными головокружительными хитросплетениями, начинается, как правило, довольно невинно. Так, в «Вечном сне» отставной генерал Стернвуд поручает Марлоу разобраться с авантюристом, шантажирующим его младшую дочь; в первой сцене романа «Прощай, красавица» сыщик всего лишь напоминает одному громиле, что за выпивку надо платить; а в «Высоком окне» вдова миссис Мердок поручает Марлоу найти дублон Брэшера – редкую золотую монету, пропавшую из коллекции ее покойного мужа... На сюжеты Чандлера поставлено несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта, несколько раз игравшего эту роль, начиная с экранизации «Вечного сна», снятой в 1946 году Говардом Хоуксом, причем соавтором сценария выступил Уильям Фолкнер. Но Богарт не был первым: еще до его «Вечного сна» были сняты две экранизации романа «Прощай, красавица» – с Джорджем Сандерсом в 1942 году и с Диком Пауэллом в 1944-м. «Высокое окно» было экранизировано дважды: в 1942 году под названием «Время убивать» и в 1947 году как «Дублон Брэшера» («Кровавые деньги» в русском переводе), причем в последнем фильме роль Марлоу исполнил звезда вестернов Джордж Монтгомери.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-16557-0

© Чандлер Р., 1939

© Азбука-Аттикус, 1939

Содержание

1	7
2	9
3	14
4	17
5	20
6	22
7	24
8	27
9	29
10	33
11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рэймонд Чандлер

Вечный сон

© Д. В. Вознякевич, перевод, 2019

© А. Я. Ливергант, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

1

Пасмурное октябрьское утро. Горы на горизонте подернуты сеткой колючего, унылого, морозящего дождя. Я же принарядился: голубой костюм, темно-синяя рубашка, галстук, в кармашке носовой платок, черные штиблеты, черные шерстяные носки в темно-синюю полоску. Можете смеяться, но я чисто вымыт, гладко выбрит и трезв как стеклышко – не каждый же день частного детектива приглашает к себе миллионер.

В холле, над дверьми такой высоты, что в них с легкостью вошло бы целое стадо индийских слонов, я увидел витражную панель, где был изображен рыцарь в черных доспехах, который спасал привязанную к дереву даму. Совершенно нагое тело дамы прикрывали лишь длинные, предусмотрительно распущенные волосы, а рыцарь, откинув – очевидно, из вежливости – забрало, тщетно пытался ее отвязать. Рассматривая витраж, я подумал, что, живи я в этом доме, мне рано или поздно пришлось бы встать на лестницу и помочь рыцарю. Он явно не слишком старался.

Стеклянная дверь выходила на покрытый изумрудным травяным покровом задний двор, где находился белый гараж, возле которого шофер, смуглый худенький паренек в потертых черных гетрах, мыл темно-бордовый «паккард» с откидным верхом.

За гаражом виднелись декоративные деревья, постриженные, словно пудели; за деревьями – большая оранжерея с куполообразной крышей, еще дальше – опять деревья и, наконец, тяжеловесные, неровные отроги гор.

На второй этаж вела выложенная кафелем широкая лестница, а наверху, на галерее с медными поручнями, виднелась еще одна витражная панель, тоже с каким-то романтическим сюжетом. Внизу, по стенам, стояли массивные стулья с высокими спинками и красными плюшевыми сиденьями, на которых, судя по всему, никто никогда не сидел. На левой стене, посередине, находился большой, совершенно пустой камин с четырьмя купидонами по углам мраморной каминной доски. Над камином висел большой портрет маслом, а над портретом, под стеклом, – два перекрещенных кавалерийских вымпела, то ли пробитых пулями, то ли изъеденных молью. На портрете был изображен замерзший в деревянной позе офицер в военной форме времен Мексиканской войны, с бородкой, усами, черными как уголь горящими глазами и видом человека, с которым лучше не связываться. «Вероятно, это дед генерала Стернвуда», – подумал я. Вряд ли это мог быть сам генерал, хотя, по слухам, отец двух совсем еще юных девиц был уже весьма преклонного возраста.

Я как замороженный смотрел в горящие черные глаза офицера на портрете, но тут дверь под лестницей открылась. Я повернулся, ожидая увидеть дворецкого, но увидел девушку. Невысокую стройную двадцатилетнюю девушку с узкой талией и крепким бюстом, в элегантных голубых брюках клеш. Она не шла, а плыла. Короткие, стриженные под пажа, слегка подвижные золотистые волосы. Глаза серо-голубые, довольно невыразительные. Она подошла поближе и улыбнулась мне одним ртом, обнажив маленькие хищные зубки, блеснувшие из-под тонких неровных губ. Лицо бледное, вид нездоровый.

– А вы высокий, – сказала она.

– Стараемся.

Ее глаза округлились: озадачена, задумалась. Мыслительный процесс, сразу видно, удовольствия ей не доставлял.

– И красивый, – добавила она. – Сами ведь знаете.

Я что-то пробурчал в ответ.

– Как вас зовут?

– Рейли, – ответил я. – Собачник Рейли.

– Странное имя.

Она прикусила губку и, слегка наклонив голову, искоса на меня посмотрела. Затем опустила свои длиннющие бархатные ресницы и опять, очень медленно, словно театральный занавес, подняла их. Коронный, как в дальнейшем выяснилось, номер. Вероятно, предполагалось, что я начну кататься по полу и дрыгать ногами от восторга.

– Вы, случайно, не боксер? – спросила она, увидев, что по полу я не катаюсь и ногами не дрыгаю.

– Не совсем. Я сыщик.

– А... – Она сердито мотнула головой, и ее золотистые волосы блеснули в полумраке. – Все шутите.

– Угу.

– Что?

– Только не притворяйтесь глухой. Вы же слышали, что я сказал.

– Ничего вы не сказали. Зануда, вот вы кто.

И с этими словами она сунула в рот большой палец и прикусила его. Какой-то необычной формы был этот палец: тонкий и узкий, как безымянный, и совершенно прямой. Прикусив его, она принялась сосать палец, вертя его во рту, словно ребенок – соску.

– Вы ужасно высокий, – сказала она и тихонько захихикала.

А потом, как-то незаметно повернувшись ко мне всем телом и уронив руки, на цыпочках подкралась и рухнула навзничь мне на грудь. Если бы я ее не поддержал, она бы разбила голову о кафельный пол. Я подхватил ее под руки, и она тут же привалилась ко мне спиной. Чтобы девица не съехала на пол, я вынужден был прижать ее к себе. Коснувшись головой моей груди, она повернулась ко мне лицом и опять захихикала.

– А ты симпатяга, – выдохнула она. – Я тоже.

Я промолчал – отчасти потому, что в стеклянной двери, удачно выбрав момент, появился дворецкий. Впрочем, наша поза, по-видимому, нисколько его не смутила.

Это был долговязый седой старик лет шестидесяти или старше. Задумчивые голубые глаза. Кожа гладкая, белая, походка мягкая, упругая, выдававшая физически сильного человека. Он медленно подошел к нам, и, увидев его, девушка отпрыгнула в сторону, бросилась к лестнице, взлетела, словно серна, на второй этаж и скрылась, прежде чем я успел издать глубокий вздох облегчения.

– Генерал ждет вас, мистер Марлоу, – бесстрастным голосом сказал дворецкий.

– Кто она? – спросил я, еле шевеля языком.

– Мисс Кармен Стернвуд, сэр.

– Ей замуж пора.

Дворецкий с непроницаемым видом молча посмотрел мне в глаза и повторил, что генерал меня ждет.

2

Мы вышли на задний двор и зашагали по гладкой, выложенной плитняком тропинке, которая, огибая гараж, тянулась до самого конца лужайки. Худенький, похожий на подростка шофер загнал «паккард» в гараж и мыл теперь черный, с хромировкой, «бьюик». Мы свернули к оранжерее, дворецкий открыл дверь, отступил в сторону, пропустив меня вперед, и я очутился в маленьком, раскаленном от жары вестибюле. Дворецкий последовал за мной, плотно закрыл первую дверь, открыл вторую, и мы вошли внутрь. Только теперь я понял, что такое настоящая жара: мало того что в оранжерее было душно, как в парилке, – горячий влажный воздух был пропитан пьянящим запахом цветущих тропических орхидей. Стеклянные стены и крыша запотели, и сверху на растения стекали крупные капли влаги. Ощущение было такое, словно находишься в джунглях: вокруг, окутанные зеленоватым, как в аквариуме, светом, росли какие-то экзотические растения с отвратительными мясистыми листьями и стеблями, напоминавшими пальцы только что обмытых покойников. Чтобы представить себе, как эти растения пахнут, надо вскипятить виски и понюхать его, предварительно укрывшись с головой одеялом.

Дворецкий пошел вперед, раздвигая густую влажную листву, и вскоре мы выбрались из чащи на небольшую, находившуюся прямо под куполом здания площадку, где на старом красном турецком ковре стояло инвалидное кресло, а в кресле сидел, уставившись на нас, умирающий старик. На его лице жили одни глаза, оставшиеся такими же черными и пронизательными, как и у офицера на портрете. В остальном же лицо представляло собой неподвижную восковую маску с бескровными губами, заострившимся носом, ввалившимися висками и вывернутыми мочками, какие бывают у покойников. Несмотря на чудовищную жару, длинное, худое тело старика было закутано в плед, из-под которого виднелись полы выцветшего от времени красного купального халата. Иссохшие кисти рук с похожими на когти пальцами с лиловыми ногтями неподвижно лежали поверх пледа; из облысевшего черепа, словно сухая трава из скалы, торчали редкие слипшиеся седые волосы.

Дворецкий подошел к старику и доложил:

– Мистер Марлоу, генерал.

На это старик не только ничего не ответил, но даже не пошевелился. Дворецкий легко поставил мне совершенно сырой плетеный стул и, когда я сел, неумовимым движением выхватил у меня из рук шляпу.

Только тогда старик прочистил горло и низким, замогильным голосом произнес:

– Принесите бренди, Норрис. Как вам смешать, сэр?

– Как угодно, – ответил я.

Дворецкий исчез в джунглях, а генерал заговорил снова, экономя силы, как экономит последнюю пару капроновых чулок безработная актриса:

– В свое время я любил смешивать бренди с шампанским. Рюмка бренди на полбокала ледяного шампанского. Да вы снимите пиджак, сэр. Для живого человека здесь слишком жарко.

Я вскочил, снял пиджак, вынул носовой платок и вытер лицо, шею и вспотевшие ладони. В Сент-Луисе летом и то прохладнее. Потом сел, машинально потянулся за сигаретой, но вовремя вспомнил, где нахожусь. Старик все понял и, слабо улыбнувшись, сказал:

– Можете курить, сэр. Я люблю запах табака.

Я закурил, и он, точно охотничья собака, стал жадно принимать к дыму. На его тонких, крепко сжатых губах заиграла едва заметная улыбка.

– Веселое занятие, ничего не скажешь, – смотреть со стороны, как твоим порокам предаются другие, – с грустью заметил он. – Когда-то и я, сэр, умел красиво жить, а теперь – инвалид:

паралич обеих ног, резекция желудка. Есть я почти ничего не могу, а сплю так чутко, что это и сном-то не назовешь. Только жарой и спасаюсь – как новорожденный паук. Ну а орхидеи – лишь повод для жары. Вы любите орхидеи?

– Не особенно, – признался я.

Генерал прикрыл глаза.

– Я их ненавижу. С виду они похожи на человека, пахнут дешевыми духами проститутки.

Я смотрел на него и ловил губами влажный душный воздух, задыхаясь от жары. Старик кивнул, осторожно согнув шею, словно боялся, что она сломается под тяжестью головы. Тут в зарослях орхидей появился дворецкий, кативший перед собой сервировочный столик. Он налил мне в бокал бренди, смешал его с содовой, обернул медное ведро со льдом влажной салфеткой и удалился. Хлопнула дверь.

Я пригубил бренди. Старик молча посмотрел на меня и со скорбным видом гробовщика облизнул губы.

– Расскажите о себе, мистер Марлоу. Полагаю, моя просьба вас не удивляет.

– Нет, разумеется. Но рассказывать особенно нечего. Мне тридцать три года, когда-то я ходил в колледж и английский язык еще не забыл. Частным сыщиком стал недавно. Одно время работал следователем у окружного прокурора Уайлда. На днях мне позвонил старший следователь Уайлда Берни Олс и сказал, что вы хотите со мной поговорить. Я не женат – уж очень не люблю полицейских жен.

– А вы, я смотрю, циник, – улыбнулся старик. – Работа у Уайлда вам не понравилась?

– Меня уволили. За неподчинение. По этой части у меня большой талант.

– Я тоже этим отличался, сэр, так что мы с вами друг друга стоим. Что вы знаете о моей семье?

– Я знаю, что вы вдовец и у вас две дочери. Обе молоды, красивы и живут в свое удовольствие. Одна из них была замужем уже три раза, последний раз – за бывшим бутлегером по прозвищу Рыжий Риган. Вот и все, что я слышал, генерал.

– Что-нибудь в этой информации показалось вам любопытным?

– Разве что Рыжий Риган. Впрочем, сам я всегда ладил с бутлегерами.

Генерал слабо улыбнулся – экономит на всем, даже на улыбке.

– Я тоже против них ничего не имею, да и сам Рыжий Риган мне очень нравится. Представьте себе эдакого здоровенного ирландца из Клонмела с курчавыми рыжими волосами, грустными глазами и улыбкой шириной с Уилширский бульвар. Поначалу, правда, он показался мне авантюристом, который думал, что напал на золотую жилу.

«Тот еще жук», – подумал я.

– Теперь я вижу, что он вам действительно понравился: вы заговорили на его языке.

Генерал спрятал свои худые синюшные пальцы под плед, а я загасил окурок и допил бренди.

– Меня он, можно сказать, вернул к жизни, – продолжал старик. – Увы, ненадолго. Риган часами сидел со мной, хлестал бренди, обливался потом и рассказывал про ирландскую революцию. Ведь он был офицером ИРА¹ и в Штатах находился на незаконном положении. По моему, на моей дочери он женился по чистой случайности, – Впрочем, вместе они и месяца не прожили. Учтите, мистер Марлоу, все это тайна.

– И тайной останется, – заверил его я. – Что с ним произошло?

Старик тупо посмотрел на меня:

– Месяц назад он исчез, причем совершенно неожиданно, никого не предупредив. И не попрощавшись со мной. Обидно, конечно, но ничего не поделаешь – для таких, как он, приличий не существует. Думаю, Риган еще даст о себе знать. А пока меня опять шантажируют.

¹ ИРА – Ирландская республиканская армия, подпольная организация ирландских националистов, основана в 1916 году.

– Опять?!

Генерал вытащил руку из-под пледа, сжимая в пальцах коричневый конверт.

– Я бы не позавидовал тому, кто попытался бы меня шантажировать, когда Риган жил в моем доме. За несколько месяцев до его появления, то есть без малого год назад, я заплатил пять тысяч долларов человеку по имени Джо Броди, чтобы он оставил мою дочь Кармен в покое.

– А... – вырвалось у меня. Я запнулся.

Генерал повел своими редкими седыми бровями.

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего.

Слегка нахмурившись, старик некоторое время в упор смотрел на меня, а затем сказал:

– Возьмите конверт и ознакомьтесь с его содержимым. И про бренди не забывайте.

Привстав, я взял конверт, опять сел, в очередной раз вытер потные ладони и стал его рассматривать. Письмо адресовано генералу Гаю Стернвуду: 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд, Калифорния. Адрес написан чернилами, от руки, наклонными печатными буквами – такой почерк бывает у инженеров. Конверт вскрыт. В нем коричневая визитная карточка и три листа плотной белой бумаги. На карточке из тонкого коричневого картона золотыми буквами выбито: «Мистер Артур Гвинн Гейгер». Адреса нет. А в нижнем левом углу очень мелкими буквами значится: «Редкие книги и подарочные издания». Я перевернул карточку и прочел следующее:

Уважаемый сэр!

Несмотря на то что взыскать по закону за неуплаченные карточные долги возможным не представляется, я полагаю все же, что Вы захотите их оплатить.

С уважением, А. Г. Гейгер

Листы плотной белой бумаги оказались долговыми расписками, заполненными от руки и датированными началом прошлого месяца:

По предъявлении обязуюсь выплатить (или перевести) 1000 (одну тысячу) долларов Артуру Гвинну Гейгеру без процентов.

Кармен Стернвуд

Почерк размашистый, с завитушками и кружочками вместо точек. Я налил себе еще бренди и отложил конверт в сторону.

– Что скажете? – спросил генерал.

– Пока ничего. Кто такой Артур Гвинн Гейгер?

– Понятия не имею.

– А что говорит Кармен?

– Я ее не спрашивал. И не буду. От нее толку мало – засунет в рот палец и сосет себе его с умильным видом.

– Я встретил ее в гостинной. Она действительно сосала большой палец, а потом попыталась усестись мне на колени.

Ни один мускул не дрогнул на лице генерала. Он застыл в своем кресле, мирно сложив руки на коленях и тихонько дрожа от озноба, тогда как я начинал дымиться от жары.

– Вы позволите задать вам несколько нескромных вопросов, генерал? – спросил я.

– А я от вас скромных вопросов и не жду, мистер Марлоу.

– Ваши дочери между собой ладят?

– Я бы этого не сказал. У каждой своя жизнь, и по наклонной плоскости они скатываются каждая по-своему. Вивьен – избалованная, требовательная, неглупая и совершенно безжалостная. Кармен же – из тех тихих девочек, что больше всего на свете любят отрывать мухам

крылышки. Духовная жизнь, мораль для них обеих пустой звук. Впрочем, и для меня тоже. Чем-чем, а нравственностью Стернвуды никогда не отличались. Еще вопросы есть?

– Они обе, надо полагать, получили неплохое образование?

– Вивьен училась в хороших закрытых школах, а потом – в колледже. Кармен же сменила не меньше десятка школ, и каждая следующая была либеральней предыдущей. По-моему, она ровным счетом ничего из них не вынесла. И Вивьен и Кармен наделены всеми пороками современной молодежи. Хорош отец, думаете, наверное, вы. Разругал дочерей в пух и прах. – Он помолчал. – Но ничего не поделаешь, мистер Марлоу, жизнь во мне еле теплится, и тут не до викторианского лицемерия. – С этими словами старик откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, а затем вновь открыл их. – Надеюсь, вам не надо объяснять, что, если мужчина впервые становится отцом только в пятьдесят четыре года, он получает по заслугам.

Я отхлебнул бренди и кивнул. Артерия едва заметно пульсировала на его дряблой серой шее. Старик одной ногой стоит в могиле, но сдаваться явно не собирается.

– Ваш вывод? – неожиданно спросил он.

– Я бы ему заплатил.

– С какой стати?

– Денег он просит мало, а неприятностей, если не заплатите, может быть много. Что-то за этим шантажом наверняка есть, но в душу к вам никто лезть не собирается, и потребуются целая армия проходимцев и уйма времени, чтобы нанести вам мало-мальски значительный материальный ущерб.

– Но у меня есть гордость, сэр, – холодно возразил генерал.

– На это и весь расчет. Пока вы не докажете, что это вымогательство, Гейгер может сколько угодно наживаться на таких долговых расписках. Он же вместо этого дарит их вам, да еще признается, что это карточные долги, по которым вы платить не обязаны, даже если бы расписки остались у него. Таким образом, если Гейгер жулик, он свое дело знает; если же он честный человек, промысляющий скромным книжным бизнесом, деньги ему следует отдать. А кто такой Джо Броди, которому вы заплатили пять тысяч?

– Какой-то прохвост, уже не помню. Норрис, мой дворецкий, наверняка знает.

– Скажите, генерал, у ваших дочерей свои деньги есть?

– У Вивьен есть, но немного. А Кармен еще несовершеннолетняя. Но я даю им на расходы, и немало.

– Значит, так, генерал, – сказал я. – Гейгера, кто бы он ни был и чем бы ни занимался, я могу, если хотите, взять на себя. Вам это обойдется в некоторую сумму, не считая, разумеется, той, что вы заплатите мне за работу. Но хочу вас заранее предупредить: это вам ничего не даст. Вы ведь уже все равно у них на заметке.

– Понятно. – Старик зябко повел широкими вздернутыми плечами. – Минуту назад вы сказали, чтобы я ему заплатил. А теперь говорите, что это мне ничего не даст.

– Вы меня не поняли. Я говорю, что в вашем положении проще и дешевле заплатить, чем лезть на рожон. Вот и все.

– Нет, мистер Марлоу, я человек азартный, меня такая тактика не устраивает. Сколько вы берете?

– Двадцать пять долларов в день плюс расходы – при удачном стечении обстоятельств.

– Ясно. Что ж, будет очень благородно с вашей стороны, если вы снимете с меня этот груз. Надеюсь, эту сложную операцию вы проведете по возможности безболезненно для пациента. Не исключено, мистер Марлоу, что вам придется иметь дело не с одним жуликом, а с несколькими.

Я допил второй бокал бренди, вытер губы и струящийся по лицу пот. Прохладнее от бренди не стало. Генерал прищурился и зашевелил под пледом руками.

– Если окажется, что этот тип ведет более или менее честную игру, я могу вступить с ним в переговоры? – спросил я.

– Да. Вообще поступайте, как найдете нужным. Я целиком вам доверяю.

– Я с ним разберусь, не беспокойтесь.

– Не сомневаюсь. А теперь, мистер Марлоу, прошу меня извинить. Я устал. – С этими словами старик вынул из-под пледа руку и позвонил в висевший на спинке кресла колокольчик. Шнур от колокольчика соединялся с черным кабелем, обвивавшимся вокруг гигантских темно-зеленых кадок, где росли эти вонючие орхидеи. Генерал закрыл глаза, вновь открыл их, бросил на меня напоследок быстрый, живой взгляд и откинулся на подушки. Веки его снова слиплись, и больше он не обращал на меня абсолютно никакого внимания.

Я встал, снял со спинки сырого плетеного стула свой пиджак и, нырнув в заросли орхидей и плотно закрыв за собой обе двери, вышел на улицу. Вдохнув полной грудью свежий октябрьский воздух, я обнаружил, что шофер куда-то исчез, а мне навстречу по красной дорожке легкими пружинистыми шагами идет прямой как жердь старый дворецкий. Я натянул пиджак и остановился.

Дворецкий почти вплотную подошел ко мне и мрачно сказал:

– С вами хотела поговорить миссис Риган, сэр. Пожалуйста, зайдите к ней перед уходом. Что же касается денег, сэр, то генерал распорядился выдать вам чек на ту сумму, какую вы сочтете необходимой.

– Когда же это он успел распорядиться?

Дворецкого несколько озадачил мой вопрос, однако, помолчав, он с улыбкой ответил:

– Понимаю, сэр. Я совсем забыл, что вы же сыщик. Генерал позвонил особым условленным образом, сэр.

– Вы сами выписываете чеки?

– Да, сэр, я удостоен этой чести, сэр.

– Что ж, в таком случае под забором вы не умрете. Нет, благодарю, сейчас никаких денег не надо. Для чего меня хочет видеть миссис Риган?

Дворецкий посмотрел на меня в упор холодными голубыми глазами:

– Боюсь, миссис Риган не совсем правильно представляет себе цель вашего визита, сэр.

– А откуда она вообще знает о моем визите?

– Окна миссис Риган выходят на оранжерею. Она видела, как мы с вами входили туда, и я вынужден был сообщить ей, кто вы такой.

– Очень плохо.

Из холодного взгляд дворецкого сделался ледяным.

– Вы считаете возможным указывать мне, каков должен быть круг моих обязанностей, сэр?

– Нет, я просто вижу, что круг этот совершенно неограничен.

Некоторое время мы молча поедили друг друга глазами, а напоследок дворецкий пронзил меня злобным взглядом и отвернулся.

3

Комната, в которую я попал, была совершенно необъятных размеров, двери и потолки – выше некуда, а громадный, во всю комнату, белый ковер напоминал заснеженное озеро. По стенам стояли высокие, в человеческий рост, зеркала, а на подзеркальниках – великое множество самых разнообразных хрустальных безделушек. На окнах, в тон мебели, инкрустированной слоновой костью, висели тяжелые, очень длинные портьеры; на фоне белого ковра портьеры казались грязными, а ковер на их фоне – каким-то бесцветным. За окнами чернели вдали горы. Было душно, собирался дождь.

Я присел на краешек глубокого мягкого кресла, посмотрел на миссис Риган и... потерял дар речи. Передо мной, лениво раскинувшись в шезлонге и довольно рискованно задрав юбку, восседала богиня. От ее ног невозможно было оторвать глаз: тончайшие шелковые чулки обтягивали полные, округлые колени, икры были столь соблазнительны, а лодыжки столь длинны и стройны, что о них впору было сочинять поэму. Высокая, стройная, сильная. Голова покоилась на атласной подушке, также цвета слоновой кости. Волосы – темные, жесткие, с пробором посередине, а глаза такие же черные и горящие, как на портрете в холле. Тонко очерченный, капризно поджатый рот. Красивый подбородок, кокетливо надутая нижняя губка.

Миссис Риган сидела в шезлонге с бокалом в руке.

– Вы, стало быть, частный детектив, – сказала она наконец, в очередной раз пригубив бокал, и, поднеся его к глазам, посмотрела на меня в упор. – А я-то думала, сыщики только в книжках встречаются или же это какие-то подозрительные субъекты, из тех, что по отелям шныряют.

Ответить мне на это было нечего, поэтому я счел за лучшее промолчать. Миссис Риган поставила бокал на плоский подлокотник шезлонга и, сверкнув изумрудным кольцом, провела рукой по волосам.

– Как вам отец? – спросила она с расстановкой.

– Понравился, – ответил я.

– Он любил Рыжего. Знаете, кого я имею в виду?

– Да.

– Рыжий Риган бывал иногда резок, даже груб, но это был по-настоящему искренний человек. Отцу с ним всегда было ужасно интересно. Напрасно он так неожиданно уехал. Отец очень переживает, хотя никогда в этом не признается. Или вам он что-нибудь говорил?

– Что-то, кажется, говорил, – уклончиво ответил я.

– А вы, я смотрю, не очень-то словоохотливы, мистер Марлоу. Отец хочет его разыскать, да?

– И да, и нет, – обронил я, помолчав.

– Это не ответ. Вы, к примеру, его найти можете?

– Такая задача, насколько я понял, передо мной не ставится. Вы бы лучше сами обратились в полицию, в розыск пропавших без вести. Там ведь сидят специалисты, знатоки своего дела. И потом, одному тут не справиться.

– Что вы, по такому поводу отец в жизни не станет обращаться в полицию. – Миссис Риган опять посмотрела на меня сквозь стекло бокала, осушила его и позвонила в звонок.

В комнату через боковую дверь вошла служанка, женщина средних лет с добродушным желтым лицом, длинным носом, плоским подбородком и большими влажными глазами. Похожа она была на старую лошадь, которая всю жизнь прослужила своим хозяевам верой и правдой, а теперь отпущена на луг пастись.

Миссис Риган помахала ей пустым бокалом, и служанка, не говоря ни слова, даже не посмотрев в мою сторону, наполнила его, передала хозяйке и вышла из комнаты.

– Так как же вы собираетесь действовать? – поинтересовалась миссис Риган, когда дверь за служанкой закрылась.

– Когда и при каких обстоятельствах он исчез?

– А разве отец вам не говорил?

Я искоса посмотрел на нее и хмыкнул. Она вспыхнула. В ее горящих глазах сверкнула злоба.

– Не понимаю, чего вы хитрите! – бросила она. – И вообще, мне не нравится ваше поведение.

– Да и я от вашего не в восторге, – сказал я. – Между прочим, я с вами встречаться не собирался, вы сами меня вызвали. Можете, если вам так уж хочется, строить из себя королеву, можете в моем присутствии выпить хоть дюжину бутылок виски. Можете сколько угодно демонстрировать мне свои ножки. Они того стоят, и я получил от них огромное удовольствие. Можете даже ругать мои манеры, я не обижусь, они действительно оставляют желать лучшего; долгими зимними вечерами я ужасно тоскую, что дурно воспитан. Словом, можете делать все, что хотите, но, пожалуйста, не устраивайте мне допроса – только время зря потеряете.

Миссис Риган с такой силой стукнула бокалом о подлокотник, что его содержимое выплеснулось на атласную подушечку. Затем, опустив ноги на пол, она вскочила и с открытым ртом злобно уставилась на меня. Глаза сверкали, ноздри раздувались, суставы стиснутых в кулаки рук побелели.

– Вы забываетесь! – прохрипела она.

А я сидел и молча улыбался. Миссис Риган очень медленно закрыла рот, взглянула на мокрую от виски подушечку и присела на край шезлонга, подперев рукой подбородок.

– Ну погоди, красавчик. Доиграешься.

Я чиркнул спичкой об ноготь большого пальца, и спичка – кажется, впервые в жизни! – зажглась. Я закурил и глубоко затянулся. Торопиться было некуда.

– Терпеть не могу самоуверенных красавчиков, – сказала она. – Ненавижу.

– Чего вы, собственно, боитесь, миссис Риган?

Ее глаза побелели, а потом потемнели – сплошной зрачок, без белка. Ноздри запали.

– Он не из-за этого вас вызывал, совсем не из-за этого, – проговорила она напряженным, срывающимся от гнева голосом. – Не из-за Рыжего. Правильно?

– Его спросите.

Она опять вспыхнула:

– Убирайтесь! Убирайтесь, черт вас побери!

Я встал.

– Садитесь! – заорала она.

Я сел и, щелкнув пальцами, стал ждать, что будет дальше.

– Я знаю, – сказала она, – я знаю, вы могли бы найти Рыжего, если б вас попросил отец. Это на меня тоже не действовало. Я кивнул и спросил:

– Когда он исчез?

– Месяц назад. Уехал в своей машине, никому не сказав ни слова. Машину потом обнаружили в каком-то частном гараже.

– Обнаружили?

Проговорилась? Все ее тело как-то вдруг обмякло. Она улыбнулась и с победоносным видом взглянула на меня.

– Об этом, значит, отец вам не говорил. – Она с трудом сдерживала радость, как будто ей удалось меня перехитрить. Возможно, так оно и было.

– Генерал действительно рассказывал мне о мистере Ригане, но вызвал он меня совсем по другому поводу. Вы это хотели от меня узнать?

– Ничего я не хотела.

Я опять встал.

– В таком случае я пойду.

Миссис Риган молчала. Я подошел к высокой белой двери и обернулся. Она сидела, прикусив губу и скаля зубы, – точно щенок, играющий с ковром.

Я вышел, спустился по выложенной кафелем лестнице в холл, и предо мной опять вырос дворецкий с моей шляпой в руке. Я надел шляпу, а он распахнул дверь.

– Вы ошиблись, – сказал я. – Миссис Риган не хотела меня видеть.

Дворецкий вежливо опустил свою седую голову.

– Простите, сэр. Я часто ошибаюсь. – И с этими словами захлопнул за мной дверь.

Я остановился на ступеньках и, закутив, стал смотреть на спускающийся уступами участок, засаженный цветами и подстриженными деревьями и огороженный высоким забором с позолоченными копьевидными наконечниками на железных прутьях. К открытым чугунным воротам усадьбы сбегала извивающаяся дорога, а под горой, за забором, в нескольких милях от особняка видны были старые деревянные буровые вышки нефтепромысла, на котором в свое время разбогатели Стернвуды. Теперь на этом месте разбили парк – подарок городу от генерала. Но несколько нефтяных скважин еще функционировало, давая по пять-шесть баррелей нефти в день. Не зря Стернвуды построили себе дом на самой вершине горы: отстойной водой и нефтью не пахнет и в то же время видны месторождения – источник их богатства. Впрочем, не думаю, чтобы Стернвуды часто любовались из окон буровыми вышками.

Я сбежал по усыпанной битым кирпичом дорожке, прошел вдоль забора к воротам и направился к стоявшей под пальмой машине. В горах прокатился гром, небо почернело, стало душно. «Сейчас польет», – решил я и, прежде чем ехать в город, опустил крышу автомобиля.

Да, ножки у Вивьен Стернвуд весьма аппетитные. Этого у нее не отнимешь. Хорошенькая парочка: разбитый параличом генерал и красавица-дочка. Старик, скорее всего, просто меня испытывал – ему ведь нужен юрист, а не сыщик. Даже если мистер Артур Гвинн Гейгер, специалист «по редким книгам и подарочным изданиям», действительно вымогатель, это работа для юриста, а не для частного детектива. Впрочем, вполне может быть, что за шантажом скрывается что-то еще. Вот только что?

Первым делом я поехал в голливудскую публичную библиотеку и полистал пыльный том под названием «Первые издания редких книг». Через полчаса я проголодался.

4

Магазин А. Г. Гейгера выходил на бульвар неподалеку от Лас-Пальмаса. Входная дверь находилась в глубине, а за инкрустированной медью витриной были спущены жалюзи, поэтому заглянуть в магазин я не мог. Витрина была заставлена каким-то восточным хламом. Впрочем, в антиквариате я разбирался неважно, поскольку, кроме неоплаченных счетов, ничего не коллекционировал. Входная дверь была из толстого стекла, но и через нее ничего не было видно – внутри царил полумрак. Справа от книжной лавки находился жилой дом, а слева – роскошный ювелирный магазин, торгующий драгоценностями в кредит. У входа, раскачиваясь на пятках, со скучающим видом стоял ювелир, высокий красивый седой еврей в дешевом темном костюме и с бриллиантовым перстнем в девять каратов на безымянном пальце правой руки. Когда я подошел к книжной лавке Гейгера, губы ювелира скривились в многозначительной улыбке. Бесшумно прикрыв за собой дверь, я ступил на толстый синий ковер, закрывающий весь пол. Вдоль стен стояли обтянутые синей кожей стулья, а рядом – напольные пепельницы. На узких полированных столах, а также в застекленных шкафах лежали книги и образцы кожаных переплетов с тиснением. Отличный товар! Такие переплеты с удовольствием приобрел бы, причем в немалом количестве, какой-нибудь богатый делец, да еще наставил бы на них свои экслибрисы. Против входа, в глубине магазина, находилась деревянная перегородка с запертой дверью, а в углу, между стеной и перегородкой, за маленьким письменным столом под лампой с резным деревянным абажуром сидела молодая женщина.

Увидев меня, она медленно встала и, покачивая бедрами, лениво двинулась в мою сторону. Гладкое, обтягивающее черное платье, длинные ноги, походка такая, которую в книжном магазине встретишь нечасто. Пепельные выющиеся волосы, зеленые глаза, густо накрашенные ресницы. В ушах огромные черные клипсы, ногти покрыты серебряным лаком. Косметика дорогая, а вид между тем дешевый.

Подойдя ко мне походочкой, которая обезоружила бы и вооруженного до зубов бандита, блондинка подняла пальчик и небрежно поправила очаровательный пепельный завиток, который в нужный момент всегда почему-то выбивается из пряди. Улыбка у нее была столь же обезоруживающей, как и походка.

– Что вы хотели? – осведомилась она.

– У вас, случайно, нет «Бен-Гура»² тысяча восемьсот шестидесятого года издания? – не снимая темных очков в роговой оправе, по-птичьи прощебетал я.

Еле сдерживаясь, чтобы не сказать: «Чего?!» – блондинка слабо улыбнулась и переспросила:

– Первое издание?

– Третье. С опечаткой на странице сто шестнадцатой.

– К сожалению, сейчас нет.

– А полное собрание Одиубона³ тысяча восемьсот сорокового года?

– Этого... тоже сейчас нет. – Она безуспешно пыталась сохранить на лице улыбку.

– Это ведь книжный магазин, я не ошибся? – спросил я все тем же вежливым птичьим фальшесом.

Блондинка оглядела меня с ног до головы. Улыбка пропала. Глаза ледяные. Вся подобралась. Ткнула своим серебряным ноготком в застекленные книжные шкафы:

² «Бен-Гур. История Христа» (1880) – исторический роман о первых христианах американского писателя Льюиса Уоллеса (1827–1905).

³ Имеется в виду многотомное издание «Птицы Америки» американского орнитолога Джона Джеймса Одиубона (1785–1851).

– А это что, по-вашему, – грейпфруты?!

– Нет-нет, эти экземпляры меня мало интересуют. Вероятно, там не подлинные гравюры, а дубликаты? Дешевая, пусть и эффектная копия. Какая пошлость! Нет уж, увольте, благодарю покорно.

– Дело ваше. – Блондинка попыталась вернуть улыбку на место. Вела она себя словно страдающий подагрой джентльмен, которому наступили на мозоль. – Может быть, мистер Гейгер... Но его сейчас нет... – Она буквально поедала меня глазами. В редких книгах она разбиралась ничуть не лучше, чем я – в тараканьих бегах.

– А он сегодня будет?

– Если и будет, то очень поздно.

– Жаль, – вздохнул я. – Очень жаль. Какие прелестные стулья! Если позволите, посижу, выкурю сигаретку. Вечер у меня сегодня совершенно свободный. Все уроки сделаны, одна тригонометрия осталась.

– Да, – сказала она. – Да-да, садитесь, пожалуйста.

Развалившись на стуле, я закурил сигарету, воспользовавшись лежавшей на пепельнице круглой никелированной зажигалкой. Некоторое время, прикусив губу, блондинка с растерянным видом стояла рядом, потом кивнула головой и двинулась обратно, к своему письменному столику в углу. Села и из-под лампы уставилась на меня. Я положил ногу на ногу и зевнул. Ее наманикюренные пальчики потянулись было к стоявшему на столе телефону, но до трубки не достали и нервно забарабанили по столу.

Минут через пять дверь магазина открылась и появился высокий тип с голодным взглядом, тростью и длинным носом. Он вошел крадучись, бесшумно закрыл за собой дверь и, подойдя к письменному столу, положил на него какой-то сверток. Затем извлек из кармана бумажник из тюленьей кожи с золотым тиснением и что-то показал блондинке. Та нажала на кнопку, и носатый, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, исчез за деревянной перегородкой.

Я докурил одну сигарету и достал следующую. Время шло. За окном хрюкали и трубили автомобильные гудки, прорычал огромный красный междугородный автобус, переключались сигналы светофора. Облокотившись о стол, блондинка исподлобья не отрываясь смотрела на меня. Дверь в деревянной перегородке приоткрылась и снова выпустила высокого типа с тростью. Под мышкой он нес уже другой сверток, напоминавший по форме большую книгу. Он подошел к столу, расплатился и вышел из магазина точно так же, как вошел: на цыпочках, тяжело дыша и подозрительно косясь на меня.

Я вскочил, простился с блондинкой, приподняв шляпу, и последовал за таинственным покупателем, который, помахивая тростью, зашагал на запад. В толпе выделялось его клетчатое шерстяное пальто с такими широкими накладными плечами, что шея торчала из него, точно черенок сельдерея, а голова при ходьбе болталась из стороны в сторону. Мы прошли квартала полтора, и, когда носатый вышел на Хайленд-авеню и остановился у светофора, я с ним поравнялся – специально, чтобы он мог меня видеть. Сначала носатый смерил меня безразличным взглядом, но потом нахмурился, отвел глаза и отвернулся. Мы перешли Хайленд-авеню и прошли еще один квартал, после чего он прибавил шаг, оторвался от меня ярдов на двадцать и, повернув направо, стал быстро подниматься в гору. Затем он остановился, повесил трость на руку и полез в нагрудный карман за портсигаром. Сунул сигарету в рот, уронил спичку; подымая ее, обернулся, увидел, что я слежу за ним из-за угла, и выпрямился с такой поспешностью, будто кто-то дал ему сильный пинок под зад. В гору носатый понесся галопом, только трость мелькала впереди, и я начал отставать. Опередив меня не меньше чем на квартал, он свернул налево и исчез. Обливаясь потом, я завернул за угол и очутился на узкой тенистой улочке, по одной стороне которой тянулась земляная насыпь, а по другой – ряды одноэтажных коттеджей.

Я брел по улице и смотрел по сторонам – носатый как сквозь землю провалился. Однако вскоре я кое-что все-таки заметил: между двумя рядами утопающих в зелени коттеджей тянулась аллея, засаженная коротко подстриженными итальянскими кипарисами, которые были похожи на сосуды с маслом из сказки «Али-Баба и сорок разбойников»; так вот, за третьим таким «сосудом» мелькнул клетчатый рукав.

Я прислонился к кипарису и стал ждать. В горах опять зарокотал гром. В свинцовых тучах сверкнула молния. На асфальт упали первые крупные – каждая величиной с пятицентовик – капли дождя. Было почти так же душно, как в оранжерее генерала Стернвуда.

Из-за дерева вновь появился клетчатый рукав, потом длинный нос, потом сверкнул правый глаз и мелькнула рыжая шевелюра. Глаз уставился на меня и снова исчез. Через несколько секунд с другой стороны ствола выглянул левый глаз. Прошло еще минут пять, и носатый не выдержал – вот что значит нервы! Я услышал, как он чиркнул спичкой и начал что-то насвистывать. Затем по траве к соседнему дереву метнулась длинная тень, а через минуту он вышел на аллею и двинулся прямо на меня, помахивая тростью и посвистывая. Беззаботного вида у него не получилось – дыхание было прерывистым, напряженным. Я с задумчивым видом вперился в грозное небо. Носатый прошел в десяти футах от меня, даже не взглянув в мою сторону. Опасность миновала – товар удалось припрятать. Я дождался, пока он уйдет, а затем, подойдя к третьему кипарису, раздвинул листья, вытащил завернутую книгу, сунул ее под мышку и удалился. Никто меня не остановил.

5

Вернувшись на бульвар, я зашел в аптеку и по телефонной книге стал искать адрес мистера Артура Гвинна Гейгера. Он жил на Лаверн-террас, улице, выходившей на бульвар Лорел-кэньон. Опустив монету, я набрал его номер – на всякий случай. Длинные гудки. Тогда в той же телефонной книге я отыскал адреса двух близлежащих книжных магазинов.

В первом, двухэтажном, где внизу размещался писчебумажный отдел, а книги продавались наверху, делать было нечего. Зато во второй, маленький, тесный, забитый книгами до самого потолка и находившийся на противоположной стороне бульвара, невдалеке от первого, зайти, как выяснилось, стоило. Несколько книжных червей листали новинки, оставляя грязные следы на свеженьких переплетах. Никто не обратил на меня внимания. Я проследовал через магазин, зашел за перегородку и обнаружил маленькую смуглую женщину в очках, которая сидела за столом и изучала уголовный кодекс.

Я раскрыл бумажник и показал ей полицейский жетон. Она внимательно на него посмотрела, сняла очки и откинулась на спинку стула. Я спрятал бумажник. Она глядела на меня своими умными еврейскими глазами и молчала.

– Вы не могли бы оказать мне небольшую услугу? – спросил я.

– Смотря какую, – отозвалась она приятным низким голосом.

– Вы знаете магазин Гейгера? На этой улице, в двух кварталах отсюда.

– Что-то не припоминаю.

– Он тоже торгует книгами, – пояснил я. – Но не такими, как вы. Наверняка же знаете.

Она поджала губы и промолчала.

– Вы знаете Гейгера в лицо? – спросил я.

– К сожалению, никакого Гейгера я не знаю.

– Значит, не скажете, как он выглядит?

Она еще сильнее поджала губы.

– А почему я, собственно, должна вам что-то говорить?

– Ничего вы не должны. Не хотите – не надо. Я вас не заставляю.

Она заглянула за дверь в перегородку и снова откинулась на стуле.

– У вас на жетоне звезда шерифа?

– Почетный помощник шерифа. Все это ерунда. Такому жетону – грош цена.

– Понятно. – Она достала пачку сигарет, вытряхнула одну и ухватила ее губами.

Я дал ей прикурить. Она поблагодарила, опять откинулась на стуле и посмотрела на меня сквозь дым.

– Вы хотите знать, как он выглядит, но при этом не хотите с ним разговаривать, да? – осторожно спросила она.

– Просто его нет на месте, – ответил я.

– Придет, надо думать. Это ж его магазин.

– Да и разговаривать пока что мне бы с ним не хотелось.

Она опять заглянула за перегородку.

– Вы что-нибудь понимаете в редких книгах? – спросил я.

– А что вас интересует?

– У вас есть третье издание «Бен-Гура» тысяча восемьсот шестидесятого года с повторяющейся строкой на сто шестнадцатой странице?

Она отодвинула в сторону уголовный кодекс, сняла с полки толстый том, положила на стол, перелистала, нашла нужную страницу и пробежала ее глазами.

– Такого издания не существует, – сказала она, не подымая головы.

– Совершенно верно.

– Не понимаю, о чем вы?

– Продавщица в магазине Гейгера этого не знала.

Она подняла голову:

– Теперь понятно. А то вы меня заинтриговали.

– Я частный сыщик. Расследую одно дело. Может, я слишком многого от вас требую?

Она выпустила колечко дыма, проткнула его пальцем и, когда дым рассеялся, ровным, безразличным голосом произнесла:

– На вид ему за сорок. Среднего роста, полный. Весит не меньше ста шестидесяти фунтов. Толстое лицо, чаплинские усики, короткая шея. Весь какой-то рыхлый. Одевается хорошо, но ходит без шляпы, строит из себя знающего букиниста, хотя в книгах абсолютный профан. Да, еще у него искусственный левый глаз.

– Из вас вышел бы отличный сыщик.

Она поставила справочник обратно на полку, снова открыла уголовный кодекс и заметила, надевая очки:

– Не дай бог.

Я поблагодарил ее и вышел на улицу. Шел дождь. До машины, стоявшей в переулке, почти напротив магазина Гейгера, бежать пришлось довольно далеко, и я здорово промок. Прыгнув в машину, я поднял боковые стекла и вытер сверток носовым платком. И только потом развернул его.

Что собой представляет лежавшая в свертке книга, я уже, конечно, догадывался. Тяжелая, в твердом переплете, превосходный шрифт, тонкая бумага, высококачественные фотографии во всю страницу: и фотографии, и текст абсолютно непристойные. Книга не новая. На форзаце проставлены даты выдачи. Изошренная порнография – навывнос.

Я снова завернул книгу в бумагу и спрятал ее под сиденье. Чтобы заниматься таким бизнесом в самом центре города, у всех на глазах, связи нужны большие. Я сидел в машине, травился табачным дымом, слушал, как стучит дождь по крыше, и размышлял.

6

Потоки дождевой воды неслись по водостокам, разливаясь в глубокие лужи, через которые с хохотом переносили визжавших девиц огромные полицейские в непромокаемых плащах, блестящих, словно пушечные стволы. Дождь глухо барабанил по крыше машины, с потолка закапало, и вскоре у меня под ногами образовалась небольшая лужица. Обычно такие проливные дожди начинаются позже. Я накинул пальто, сбегал в ближайшую аптеку, купил бутылку виски и, вернувшись в машину, стал греться. Время стоянки было давно уже просрочено, но полицейским, таскавшим через лужи девиц и залиvisto свистевшим в свистки, было не до меня.

Несмотря на непогоду (а может, пользуясь ею), в книжной лавке Гейгера шла бойкая торговля: к дверям то и дело подкатывали роскошные лимузины и хорошо одетые люди – отнюдь не только мужчины – исчезали внутри и поспешно выходили со свертками в руках.

Он появился часа в четыре. У входа в магазин остановился двухместный автомобиль кремового цвета, и из него выскочил приземистый мужчина с обрюзгшим лицом и чаплинскими усиками. Был он без шляпы, в зеленом кожаном плаще с поясом. Искусственный у него глаз или нет, я не разобрал. Вскоре из магазина вышел высокий смазливый парень в короткой кожаной куртке, сел за руль двухместного автомобиля, отъехал за угол и пешком вернулся обратно. Его мокрые черные волосы блестели под дождем.

Прошел еще час. Стемнело, и улица осветилась тусклым светом витрин. Сердито перезванивались трамваи. В начале шестого тот же высокий парень в куртке вышел из книжного магазина, раскрыл зонт и отправился за машиной. Когда кремовый двухместный автомобиль остановился у двери, из магазина вышел Гейгер, и парень, держа зонт у него над головой, проводил его до машины. Гейгер сел за руль, а парень сложил зонтик, стряхнул с него дождевую воду, передал в машину и убежал обратно в магазин. Я включил зажигание.

Гейгер поехал налево, и мне пришлось, грубо нарушив правила, сделать левый поворот, отчего я нажил немало врагов, среди которых оказался и водитель трамвая; он высунулся из кабины и смачно выругался. Пристроившись за кремовой малолитражкой, я постепенно стал ее догонять. По всей вероятности, Гейгер ехал домой. На какое-то время я потерял его из виду, но потом заметил, что двухместный автомобиль свернул на Лорел-кэньон. Еще один лихой поворот – и я вслед за ним очутился на Лаверн-террас, узкой улочке, по одну сторону которой тянулась насыпь, а по другую, в низине, за живой изгородью, стояли утопавшие в зарослях кустарника маленькие коттеджи. Кроны деревьев набрякли от дождя.

Гейгер ехал с включенными фарами, я фары не включал. Прибавив скорость, я обогнал его на вираже, мельком бросил взгляд на номер дома, мимо которого проехал, и, развернувшись в конце квартала, остановился. Гейгер остановился еще раньше и теперь загонял машину в гараж возле небольшого коттеджа, входная дверь которого из-за разросшейся живой изгороди была совершенно не видна. Я заметил, как он вышел под зонтиком из гаража и исчез в кустах. Судя по его виду, он не подозревал, что за ним следят. В окнах коттеджа зажегся свет. Подъехав к соседнему с гейгеровским дому, который, похоже, пустовал, хотя объявлений о продаже видно не было, я заглушил мотор, приспустил боковое стекло, отхлебнул виски и стал ждать. Чего – неизвестно. Что-то, однако, подсказывало мне, что подождать стоит. Опять лениво потянулось время.

В гору одна за другой поднялись две машины. Потом вновь все стихло. В начале седьмого в морозящем дожде опять засветились фары. Машина остановилась у дома Гейгера. К тому времени уже совсем стемнело. Фары вспыхнули в темноте и погасли. Распахнулась дверца, и из машины вышла женщина. Маленькая, стройная, в шляпке и прозрачном дождевике. Зашла

за изгородь, позвонила в дверь. Дождь заглушил трель звонка. Дверь за ней закрылась, и опять наступила тишина.

Прихватив фонарь, я подошел к ее машине, бордовому или темно-коричневому «паккарду» с откидным верхом и приспущенным стеклом на левой двери, осветил регистрационный талон: «Кармен Стернвуд, 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд» – и опять вернулся на свой наблюдательный пост. Сидеть надоело, на колени с потолка капало, в животе жгло от выпитого виски. Больше машин не было. И света в нежилом доме, возле которого я остановился, тоже не было. Тихое место – словно специально создано для темных делишек.

В половине восьмого темные окна гейгеровского коттеджа внезапно озарились вспышкой ослепительно-белого света. Когда дом вновь погрузился во мрак, до меня донесся сквозь шелест мокрых листьев истошный крик. В следующую секунду я был уже на ногах.

Ужаса в крике не было. Скорее в нем был тупой, какой-то умильный даже, хмельной испуг, что бывает у запойных алкоголиков или дебилов. Я тут же представил себе людей в белых халатах, зарешеченные окна и узкие железные койки с кожаными ремнями, в которые продеваются запястья и лодыжки. В доме стояла мертвая тишина. Я нашел проем в живой изгороди и крадучись подошел к входной двери. На двери была выбита львиная пасть, а из нее торчало кольцо, использовавшееся вместо дверного молотка. Не успел я за него взяться, как в доме, словно по сигналу, грянуло три выстрела подряд. Затем послышался звук, напоминавший тяжелый, хриплый вздох, глухой шум падающего тела и быстрые шаги.

Дверь выходила на узкую дорожку, которая, точно мостик через лощину, протянулась от стены коттеджа до склона горы. На задний двор попасть было невозможно: не было ни крыльца, ни площадки. Задняя дверь выходила в узкий проулок, куда надо было спускаться по деревянной лесенке. По ней кто-то быстро сбежал, потом взревел мотор, и все стихло. Мне показалось, правда, что вслед за первой машиной из проулка выехала еще одна, но я мог и ошибиться. В доме было тихо, как в склепе. Теперь можно не спешить. Сделанного, как говорят, не воротишь.

Окно было зашторено, но жалюзи на нем спущены не были, и я, забравшись на забор, отделявший один участок от другого, попытался заглянуть в просвет между шторами, но ничего, кроме освещенной стены и края книжного шкафа, не увидел. Тогда я слез с забора и, разбежавшись, изо всех сил врезался плечом во входную дверь. Ничего глупее придумать было нельзя, ибо в Калифорнии в дом можно войти в любую дверь, кроме входной. Ушибив плечо и придя в бешенство, я опять залез на забор, выбил ногой оконное стекло и, воспользовавшись шляпой, как перчаткой, вынул осколки. Затем, дотянувшись до нижнего шпингалета (верхнего, по счастью, не оказалось), я поднял его и, раздвинув занавески, влез в дом.

Двое находившихся в комнате людей не обратили на меня никакого внимания, хотя мертв из них был только один.

7

Комната была очень большой, во всю ширину дома, с низким потолком и коричневыми оштукатуренными стенами, завешанными китайской вышивкой и китайскими же и японскими гравюрами в деревянных рамках. По стенам стояли низкие книжные шкафы, а на полу раскинулся розовый китайский ковер, такой толстый, что в ворсе легко могла спрятаться крыса. На полу валялись подушки, повсюду были разбросаны какие-то обрезки шелковой материи, как будто хозяин дома постоянно что-то теребил в руках. На широком низком диване, обитом старой розовой декоративной тканью, валялась смятая одежда, в том числе лиловое шелковое женское белье. В комнате было несколько торшеров: один большой, на резной ноге, и два поменьше, с темно-зелеными абажурами и длинными кистями. За черным письменным столом с деревянными фигурками по углам стоял полированный черный стул с резными подлокотниками, на котором лежала желтая атласная подушечка. В нос, стоило мне войти, ударил терпкий запах пороха и тошнотворный – эфира.

В углу, на небольшом возвышении, стоял стул из тикового дерева с высокой спинкой, а на стуле, застеленном оранжевой шалью с бахромой, в позе египетской богини, очень прямо, положив руки на подлокотники, сдвинув колени, уставившись в одну точку и обнажив хищные белые зубки, сидела мисс Кармен Стернвуд. Глаза широко открыты. Темный зрачок без остатка растворился в синевато-серой радужной оболочке. Безумный взгляд. Вид такой, словно девушка находится без сознания либо обдумывает что-то очень важное. Из полуоткрытого рта вырывался странный звук, напоминающий сухой, металлический смешок, однако на выражении лица смех этот совершенно не отражался, даже губы не шевелились.

Если не считать длинных нефритовых серег, очень красивых, стоивших никак не меньше нескольких сот долларов, мисс Кармен Стернвуд пребывала совершенно нагой.

Тело у нее было замечательное: гибкое, крепкое, округлое, блиставшее при свете лампы, словно жемчуг. Ноги тоже очень красивые, хотя в них и не было той манящей, несколько вульгарной красоты, какой отличались ножки миссис Риган. Нагое тело Кармен странным образом не вызывало у меня ни смущения, ни желания. Ощущение было такое, будто передо мной сидит не молодая, весьма соблазнительная обнаженная женщина, а кукла. Именно такой она и сохранилась в моей памяти.

Я перевел взгляд на Гейгера. Хозяин дома лежал на спине, за ковром, возле предмета, очень напоминавшего индейский тотемный столб. Профиль у тотемного столба был орлиный, а огромный круглый глаз, он же фотообъектив, был направлен на сидевшую на стуле обнаженную девушку. Сбоку к фотообъективу была прикреплена затемненная лампа-вспышка. Гейгер был в подбитых войлоком китайских домашних туфлях, в черных шерстяных пижамных брюках и в расшитой драконами и залитой кровью китайской домашней куртке. Лежал он на спине и весело таращился на меня своим широко раскрытым искусственным глазом. Судя по всему, все три выстрела пришлось в цель. Гейгер был мертв и не скрывал этого.

Теперь все встало на свои места. Сверкнувшая в окне молния была фотовспышкой, а истошный крик, который я услышал, сидя в машине, – реакцией на вспышку голой, одурманенной наркотиками девицы. Что же касается трех выстрелов, то это, вероятно, была попытка несколько разнообразить привычный сценарий. Попытку эту предпринял, по всей видимости, тот самый тип, что сбежал в проулок по черной лестнице, сел в машину и уехал. Что же, понять его было можно.

На красном лакированном подносе, на самом углу черного письменного стола, стояли два бокала из тонкого стекла с золотыми прожилками, а рядом – пузатая фляжка с какой-то коричневой жидкостью. Я вынул пробку и понюхал: эфир и что-то еще, возможно опиум. Сам

я никогда этой отравы не пил, но для того дела, каким промышлял Гейгер, опиум подходил как нельзя лучше.

По оконному стеклу и по крыше стучал дождь. Ни автомобильной сирены, ни шума мотора слышно не было – только дождь. Я подошел к дивану, скинул пальто и, порывшись в вещах девушки, нашел бледно-зеленое шерстяное платье с короткими рукавами. С бельем я решил не возиться – и не потому, что боялся смутить ее, а потому, что не мог представить, как буду надевать на нее трусики, застегивать лифчик. Прихватив шерстяное платье, я подошел к стоявшему на возвышении стулу. От мисс Стернвуд на расстоянии нескольких шагов разило эфиром. Она по-прежнему издавала странные звуки, напоминавшие сухой, металлический смех, а по ее подбородку стекала пена. Я несильно ударил ее по щеке. Смех прекратился. Я ударил ее еще раз.

– Очнись. Будем одеваться.

– Пшелтызнаешькуда, – пробормотала она, уставившись на меня совершенно бессмысленными, пустыми глазами.

Я ударил ее еще несколько раз, но она на пощечины абсолютно не реагировала. Тогда я стал надевать на нее платье. К этому она тоже отнеслась совершенно безразлично: не сопротивлялась, когда я поднял ей руки, и даже, как бы в шутку, широко расставила пальцы. Я надел платье ей на голову, продел руки в рукава, натянул платье на спину и поднял ее. Она захихикала и повалилась мне на грудь. Я опять усадил ее на стул и надел чулки и туфли.

– Пойдем погуляем, – сказал я. – Немножечко пройдемся.

И мы прошли по комнате, хотя прогулкой назвать это было трудно, скорее уж какой-то танец – наверное, танго, когда приходилось тащить ее на себе, или классический балет, когда, взявшись за руки, мы, словно по команде, расходились в разные стороны. Мы дошли до Гейгера и вернулись назад. Я повернул ее лицом к труп; покойник ей явно очень понравился, она захихикала и хотела что-то сказать, но вместо этого издала лишь какой-то нечленораздельный звук. Потом я подвел ее к дивану и уложил. Она пару раз икнула, опять захихикала и уснула, а я рассовал ее белье по карманам и подошел к фотообъективу. Камера в объектив была вставлена, но в самой камере отсутствовала кассета для фотопластинок. Я поискал кассету на полу, решив, что Гейгер, пока был жив, сам ее вынул, но на полу кассеты не было. Тогда, взяв покойника за вялую ледяную руку, я немного сдвинул тело, но и под Гейгером кассеты не оказалось. Это мне совсем не понравилось.

Я вышел в коридор и стал осматривать дом. Справа я увидел две двери – одна вела в ванную, другая была заперта; сзади дверь в кухню. Кухонное окно взломано, жалюзи отсутствуют, а на подоконнике, в том месте, где сорвали шпингалет, глубокая вмятина. Дверь в конце коридора оказалась незаперта, и я заглянул в чистенькую, стильную, по-женски обставленную спальню. На постели – покрывало с оборками, на туалетном столике с трюмо – духи, носовой платок, мелкие деньги, несколько мужских расчесок, брелок с ключами. В стенном шкафу – мужская одежда, а из-под покрывала с оборками выглядывали мужские шлепанцы. Комната мистера Гейгера. Прихватив ключи, я вернулся в гостиную и занялся письменным столом. В нижнем ящике я нашел запертую металлическую коробку. Подобрал к ней ключ, я открыл ее, однако внутри обнаружил лишь записную книжку в синем кожаном переплете с шифрованными записями. Почерк такой же, как на конверте, присланном генералу Стернвуду, – косые печатные буквы. Я сунул записную книжку в карман, стер с металлического ящика отпечатки пальцев, запер письменный стол, выключил искусственный камин, надел пальто и попытался разбудить мисс Стернвуд. Нереально. Тогда, нахлобучив ей на голову шляпку и натянув на нее дождевик, я взял ее на руки и отнес в машину. Потом вернулся, потушил свет, захлопнул входную дверь, достал, порывшись в ее сумочке, ключи от «паккарда» и включил зажигание. По улице мы проехали, не зажигая фар. Через десять минут мы были уже в Алта-Бриа-Креснт.

Дорогой Кармен громко храпела, дышала мне в лицо эфиром и все норовила положить голову мне на колени.

8

В особняке Стернвудов за узкими окнами со свинцовыми переплетами тускло горел свет. Я остановил «паккард» у ворот и, вывернув карманы пальто, сложил на сиденье вещи девушки. Кармен мирно посапывала в углу; шляпка съехала ей на нос, из прорезей дождевика безжизненно свисали руки. Я вышел из машины и позвонил в дверь. Откуда-то, очень издалека, послышались неторопливые шаги. Дверь открылась, и на пороге вырос прямой как жердь старый дворецкий. При электрическом свете от его серебристой шевелюры исходило какое-то волшебное сияние.

– Добрый вечер, сэр, – вежливо сказал он, поглядев сначала на «паккард», а потом прямо мне в глаза.

– Миссис Риган дома? – спросил я его.

– Нет, сэр.

– А генерал, надо полагать, спит?

– Да, в это время он всегда спит.

– А служанка миссис Риган на месте?

– Матильда? Да, она здесь, сэр.

– Пусть спустится. Боюсь, без женских рук нам не обойтись. Загляните в машину, и вы поймете, в чем дело.

Дворецкий послушно заглянул в машину и обернулся ко мне:

– Все ясно. Пойду позову Матильду.

– Да уж, без Матильды вам не справиться. Она ей поможет.

– Мы все стараемся ей помочь, сэр.

– Плохо стараетесь, – буркнул я.

Дворецкий и глазом не моргнул.

– Что ж, спокойной ночи, – сказал я. – Передаю ее вам из рук в руки.

– Большое спасибо, сэр. Позвольте, я поймаю вам такси.

– Не позволю. И вообще, меня здесь не было. Я вам приснился.

Тут дворецкий наконец улыбнулся, кивнул своей седой головой, а я повернулся и спустился по аллее обратно к воротам.

Пройдя не меньше десяти кварталов по петляющим, залитым дождем улицам, под деревьями, с которых стекала вода, мимо больших, ярко освещенных, утопающих в зелени особняков, мимо маячивших высоко в горах фронтонов, карнизов и светящихся окон, далеких и недостижимых, словно волшебные замки, я наконец вышел к залитой ослепительным и никому не нужным светом бензоколонке, где за запотевшим стеклом со скужающим видом сидел на табуретке и читал газету служащий в белой кепке и темно-синей куртке. Я решил было перекинуться с ним словом, но потом раздумал и пошел дальше. Я уже промок до нитки, но ловить в такую погоду такси – значит себя не уважать. Да и таксистов тоже.

Через полчаса быстрой ходьбы я дошел до дома Гейгера. Улица по-прежнему пустовала, только у соседнего дома одиноко, с видом заблудившейся собаки, стояла моя машина. Я вытащил из кабины недопитую бутылку виски, отхлебнул из нее и сел покурить. Сделав несколько затяжек, я выбросил окурочек, вылез из машины и направился к дому Гейгера. Отпер дверь, вошел в темную, не успевшую еще остыть гостиную, некоторое время постоял, прислушиваясь к шуму дождя и оставляя мокрые следы на ковре, а затем нащупал выключатель и зажег свет.

На стене – это сразу бросилось в глаза – не хватало двух-трех китайских вышивок, вместо них на выкрашенной в коричневый цвет штукатурке зияли пустоты. Я двинулся дальше, включил торшер и посмотрел на фотообъектив. Под ним рядом с китайским ковром был рас-

стелен еще один ковер. Раньше его не было. Раньше на этом месте лежало тело Гейгера. А теперь – ковер.

Потрясенный, я замер и, криво улыбнувшись, тупо уставился на искусственный «глаз» фотообъектива, после чего, немного придя в себя, опять отправился гулять по дому. Все стояло на своих местах, только Гейгера нигде не было – ни на застеленной покрывалом с оборками кровати, ни под ней, ни в стенном шкафу, ни на кухне, ни в ванной. А может, тело в запертой комнате справа? Подобрал ключ, я открыл дверь и вошел. Убитого не было и здесь, но комната показалась мне интересной. И прежде всего тем, что была полной противоположностью комнате Гейгера: никаких безделушек, оборок, ковров; обстановка скромная, по-мужски неприхотливая: натертый воском деревянный пол, пара циновок с индийским орнаментом, два стула, темное бюро с откидной крышкой, а на нем – две черные свечи в высоких медных подсвечниках. Постель узкая, жесткая, крытая бордовым батиком. Поежившись, я вышел, запер комнату, вытер носовым платком ручку двери и, вернувшись в гостиную и внимательно осмотрев ковер, обнаружил две едва заметные бороздки на ворсе – как будто кого-то волокли по ковру за ноги. Что ж, тому, кто пытался вытащить труп за дверь, не позавидуешь, ведь нет ничего тяжелее покойников – даже несчастная любовь и та легче.

На полицию не похоже. Они бы еще были здесь: делали замеры, фотографировали, снимали отпечатки пальцев, пыхтели своими дешевыми сигарами. Кто-кто, а полиция не торопится. Убийца? Тоже вряд ли. Он слишком быстро удрал – должно быть, заметил девчонку и испугался: а вдруг она, несмотря на свое состояние, его видела? Сейчас он, наверное, уже далеко. Я бы не удивился, если бы кому-то было выгодно не только убить Гейгера, но и спрятать тело. А значит, у меня есть шанс обойтись без впутывания Кармен Стернвуд. Я опять запер входную дверь, вдохнул жизнь в свою застоявшуюся машину и отправился домой – принять душ, переодеться и поужинать. Чистый, сухой и сытый, я развалился в кресле и, потягивая пунш, попытался прочесть зашифрованные слова в синей записной книжке. Шифр я не разгадал, но пришел к выводу, что это, вероятней всего, фамилии и адреса гейгеровских клиентов, которых я насчитал больше четырехсот, – неплохой бизнес, а уж какие возможности для шантажа! Этим, надо думать, убитый тоже не брезговал. А стало быть, любой клиент Гейгера из тех, чьи адреса попали в его записную книжку, в принципе мог быть его потенциальным убийцей. Да, полиции, когда она возьмется за это дело, можно только посочувствовать.

Спать я пошел сильно нетрезвый и расстроенный, и мне всю ночь снился человек в залитой кровью домашней куртке с драконами, который гонялся за голой девушкой с длинными нефритовыми серьгами в ушах; я же бежал следом и пытался их сфотографировать пустым фотоаппаратом.

9

Когда я проснулся, ярко светило солнце. На улице было ясно, в голове – туман, во рту – помойка. Я выпил две чашки кофе и развернул утренние газеты. Про Артура Гвинна Гейгера ни в одной из них не говорилось ни слова. Только я вытащил на свет свой отсыревший, измятый костюм, как раздался телефонный звонок. Звонил Берни Олс, старший следователь окружной прокуратуры, тот самый, что рекомендовал меня генералу Стернвуду.

– Как самочувствие? – начал он голосом человека, у которого хорошее пищеварение и нет долгов.

– Вчера перепил, – буркнул я в ответ.

– Так-так. – Олс рассмеялся и как бы невзначай – испытанный полицейский прием – спросил: – У генерала Стернвуда уже был?

– Угу.

– Начал на него работать?

– Очень уж вчера дождь сильный был, – ответил я, если это можно было назвать ответом.

– С этой семейкой не соскучишься, – сказал Олс. – Неподалеку от Лидо, у причала, в море плавает здоровенный стернвудовский «бьюик».

Я разинул рот и с такой силой стиснул телефонную трубку, что чуть ее не раздавил.

– Вот такие дела, – весело продолжал Олс. – Новенький «бьюик». Внутри песок... вода. Да, чуть не забыл, в кабине нашли какого-то парня.

– Риган?! – спросил я, стараясь дышать как можно тише.

– Кто-кто? А, бывший бутлегер, которого женила на себе старшая дочка генерала. Не знаю, старик, я ведь этого Ригана никогда в глаза не видал. С чего бы это он вдруг решил отправиться на «бьюике» в плавание?

– Не валяй дурака, прекрасно же сам знаешь, что охотников до подобных морских процедур найдется немного.

– Не знаю, не знаю... Сейчас еду на место аварии. Если хочешь, присоединяйся.

– Охотно.

– Тогда приезжай в управление. Я у себя.

Наспех побрившись, умывшись и позавтракав, я вскочил в машину и меньше чем через час был уже в городском полицейском управлении. Окружная прокуратура располагалась на седьмом этаже, где Олс занимал маленький, но отдельный кабинет. За письменным столом, на котором не было ничего, кроме блокнота, дешевого письменного прибора, шляпы Олса и его правой ноги, сидел среднего роста блондин с густыми светлыми бровями, спокойными глазами и ровными белыми зубами. Внешность у него была ничем не примечательная, а между тем я слышал, что на его боевом счету девять убитых, причем троих преступников он уложил, находясь – как им казалось – в безвыходном положении.

Олс встал, спрятал в карман плоскую жестяную коробку сигар «Антракт», одну сигару сунул в рот, пожевал ее и, откинув назад голову и прищурившись, внимательно посмотрел на меня.

– Это не Риган, – сказал он. – Я проверял. Риган – здоровенный лоб, с тебя ростом, да и весит не меньше. А в «бьюике» совсем еще молоденький парнишка.

Я промолчал.

– Почему, интересно, Риган смылся? – спросил Олс. – Ты об этом не задумывался?

– В общем, нет.

– Тот, кто незаконно промышляет спиртным, потом женится на деньгах, а потом вдруг посылает к черту красавицу-жену и несколько миллионов, которые, считай, были у него в кармане, даже у меня вызывает подозрение. А ты, наверное, решил, что все это тайна?

– Угу.

– Ладно, старик, не обижайся. Делай то, что тебе поручил генерал.

Олс подошел к столу, похлопал себя по карманам и взял шляпу.

– Я Ригана не ищу, – сказал я.

Олс запер кабинет, мы спустились на стоянку, сели в небольшой синий автомобиль и поехали в сторону Сансета, время от времени оглашая окрестности оглушительной полицейской сиреной. Утро выдалось такое солнечное, что жизнь, если бы в голову не лезли дурные мысли, казалась бы прекрасной и безмятежной.

До Лидо по прибрежному шоссе было тридцать миль, из них десять – по забитой машинами дороге, однако Олс ухитрился преодолеть это расстояние за три четверти часа. Перед старой, выцветшей аркой Олс съехал на обочину, остановил машину, и мы вышли. За аркой тянулся, уходя в море, длинный пирс, огороженный белыми столбиками. На его дальнем конце собралась небольшая толпа, стояли люди и в арке, но на пирс их не пускал полицейский в мотоциклетном шлеме. По обеим сторонам шоссе выстроились легковые машины – в любителях острых ощущений обоюго пола недостатка, как всегда, не было. Олс предъявил полицейскому в шлеме свой жетон, и мы вышли на причал. В нос тут же ударил сильный, несмотря на прошедший ливень, запах рыбы.

– Вот она – на барже. – И Олс показал сигарой на стоявшую у причала в самом конце пирса низкую черную баржу с рулевой рубкой, как у буксира.

Действительно, на палубе, переливаясь в лучах утреннего солнца, виднелась большая темная машина, с которой не успели еще снять подъемные цепи. Стрела лебедки была уже развернута и спущена на палубу. Вокруг машины столпились люди.

По скользкому трапу мы сошли на палубу. Олс поздоровался с помощником шерифа в зеленой гимнастерке и с каким-то мужчиной в штатском. Три матроса стояли, прислонившись к рубке, и жевали табак. Один из них, вероятно тот, кто лазил в воду и надевал на «бьюик» цепи лебедки, вытирал мокрые волосы грязным полотенцем.

Мы осмотрели машину. Передний бампер погнут, одна фара разбита, у второй лопнул обод, но стекло цело; на радиаторе большая вмятина, на кузове и молдингах царапины. Обшивку сидений намочила от воды и почернела, а вот колеса не пострадали.

Водитель, невысокий темноволосый парень, сидел в кабине, уткнувшись неестественно вывернутой головой в руль. Еще совсем недавно он, видимо, был хорош собой, теперь же лицо его побелело, глаза под прикрытыми веками потухли, а в открытый рот набился песок. На лбу слева темнел огромный кровоподтек.

Олс сделал шаг назад, кашлянул и, раскуривая свою короткую сигару, спросил:

– Что произошло?

Помощник шерифа молча указал пальцем на стоявшую в самом конце пирса группу зевак. Один из них держался рукой за столбик разбитой ограды; белая краска сошла, и сквозь нее проступила светло-желтая, цвета свежеспеленной сосны, древесина.

– В этом месте «бьюик» врезался в ограду, – рассказал помощник шерифа. – Удар, похоже, сильный был. Здесь ведь дождь кончился рано, часов в девять вечера. Дерево внутри сухое, а значит, случилось это уже после дождя. Воды машина, видать, много набрала, а то бы удар еще сильнее был, да и отнесло бы ее подальше. Другое дело, если б не отлив, ее бы к сваям прибило. Получается, авария где-то часов в десять произошла. Может, в девять тридцать, но уж никак не раньше. Сегодня утром приходят на пирс рыбаки, смотрят – под водой машина. Мы ее тогда лебедкой и вытащили; подняли на баржу, а в кабине – труп.

Мужчина в штатском молча ковырял доски палубы носком ботинка. Вертя сигарой, словно сигаретой, Олс перевел взгляд с него на меня.

– Пьян был? – спросил он, обращаясь ко всем сразу. Матрос, который вытирал голову полотенцем, подошел к нам, облокотился на поручни и так громко харкнул, что все повернулись к нему.

– Песку наглotalся, – пояснил он и сплюнул. – Меньше, конечно, чем покойничек, но тоже солидно.

– Может, и пьян, – отозвался помощник шерифа. – Разве трезвый в такой дождь кататься поедет?! А пьяному – море по колено.

– Пьяный! Как бы не так! – подал голос штатский. – Неужели нормальный человек, хоть бы и пьяный, станет на прямой передаче по причалу катить?! Да и на голове у него здоровенный фонарь, не видите, что ли? По мне, так это убийство.

Олс взглянул на матроса с полотенцем в руках:

– А ты что скажешь, приятель?

Тот, довольный, что к нему обратились, ухмыльнулся и заговорил:

– Мое дело маленькое, но, раз спрашиваете, могу сказать: самоубийство это, как пить дать самоубийство. Вон на причале следы от шин до сих пор видны. А значит, шериф прав, дело уже после дождя было. Если б он медленно ехал, то заграждения бы не пробил. А он ведь, скорее всего, еще пару раз в воздухе перевернулся. Выходит, набрал скорость и на полном ходу в ограду въехал. По газам – и в воду. А голову разбил при падении.

– Ишь ты, глазастый какой, – похвалил его Олс. – Обыскали? – спросил он помощника шерифа, но тот промолчал, выразительно посмотрев на меня и на стоявших возле рулевой рубки матросов. – Ладно, потом, – спохватился Олс.

С причала по трапу сбежал маленький человечек в очках, с усталым лицом и черным портфелем в руках. Приблизившись, он снял шляпу, вытер потный затылок и стал смотреть на море с таким видом, будто не знал, где он находится и зачем его вызвали.

– Вон ваш пациент, доктор, – сказал ему Олс. – Вчера вечером нырнул с причала в воду. Часов в десять. Больше нам пока ничего не известно.

Маленький человечек с угрюмым видом посмотрел на покойника, ощупал пальцами его голову, внимательно осмотрел кровоподтек, повертел обеими руками шею, пощупал ребра. Затем поднял безжизненную руку, взглянул на ногти, подержал ее на весу и отпустил, проследив, как она падает, после чего отошел в сторону, вынул из портфеля бланки и, подложив копирку, стал писать.

– Непосредственная причина смерти – по всей вероятности, перелом шеи, – сообщил он, продолжая писать. – А это значит, что в нем мало воды. Из этого следует, что сейчас, на воздухе, он начнет довольно быстро коченеть. Советую поэтому, не откладывая, вытащить его из машины, а то потом с ним замучаетесь.

Олс встал.

– Давно наступила смерть, доктор?

– Трудно сказать.

Олс пристально посмотрел на него, потом вынул изо рта сигару и так же пристально посмотрел на нее.

– А еще врач называется! Да такие вещи на следствии за пять минут выясняются!

Маленький человечек кисло улыбнулся, сунул бланки обратно в портфель и спрятал карандаш.

– Если только он вчера вечером обедал, я смогу ответить на ваш вопрос – но не через пять минут, естественно.

– А кровоподтек откуда взялся? При падении?

Человечек еще раз осмотрел труп.

– Нет, непохоже. Удар был нанесен каким-то посторонним предметом. Гематома образовалась еще до наступления смерти.

– Дубинкой, стало быть, огрели?

– Очень возможно.

Человечек снова кивнул, нагнулся за своим портфелем и поднялся по трапу на причал. Под арку задним ходом въезжала «скорая помощь». Олс посмотрел на меня.

– Пошли, – сказал он. – Стоило в такую даль ехать!

Мы поднялись на пирс, вышли на шоссе, и Олс, развернувшись, поехал обратно в город по чисто вымытому дождем трехрядному шоссе, мимо поросших розовым мхом бело-золотых песчаных дюн, за которыми, ныряя в волны и взмывая в небо, носились чайки, а у маячившей на горизонте белой яхты вид был такой, будто она свешивается с неба.

– Знаешь его? – скосив на меня глаз, бросил Олс.

– Конечно. Шофер Стернвудов. Еще вчера я видел, как он мыл этот самый «бьюик».

– Прости, Марлоу, что вмешиваюсь, но скажи: дело, которое поручил тебе генерал, имеет отношение к этой аварии?

– Нет, я даже не знаю имени этого парня.

– Зато я знаю. Оуэн Тейлор. Хочешь, расскажу откуда? История любопытная. Примерно год назад мы задержали его за нарушение закона Менна:⁴ парень сбежал в Юту со стернвудовской младшей дочкой – смазливая девица, ничего не скажешь. Старшая сестра поехала на поиски этой парочки, привезла их обратно, а Оуэна засадила за решетку. Но на следующий же день сама явилась к Уайлду и стала уговаривать его вступить за парня перед генеральным прокурором. Сказала, что Тейлор любил сестру и собирался на ней жениться, но Кармен замуж не хотела – ей бы только выпить и погулять. В результате мы его отпустили, а Стернвуды, черт их возьми, опять взяли Тейлора к себе на работу. А через некоторое время на него пришло досье из Вашингтона, и выяснилось, что парень шесть лет назад участвовал в ограблении в Индиане и полгода просидел в той самой тюрьме, откуда сбежал Диллинджер⁵. Все это мы сообщили Стернвудам, но они и не подумали его выгнать – так он у них шофером и работал. Ну, что скажешь?

– Хорошенькая семейка, – сказал я. – Они уже про аварию знают?

– Нет еще, придется прямо сейчас к ним ехать.

– По возможности не вмешивай в это дело старика, хорошо?

– Почему, собственно?

– Он еле дышит, и потом, у него и без Тейлора проблем хватает.

– Ты имеешь в виду Ригана?

Я нахмурился.

– Говорю же тебе, про Ригана мне ничего не известно. Я Риганом не занимаюсь. Насколько я знаю, он никому ничего плохого не сделал.

– Да? – переспросил Олс и стал задумчиво смотреть на море, из-за чего чуть было не съехал в кювет.

Оставшуюся часть пути он почти ничего не говорил. Меня он высадил в Голливуде, возле Китайского театра, а сам, свернув на запад, поехал в Алта-Бриа-Креснт. Я пообедал в закусочной, а потом купил свежую газету, однако и в дневном выпуске про Гейгера не было ни строчки.

После обеда я решил еще раз взглянуть на магазин Гейгера и поехал на бульвар.

⁴ Закон, названный именем американского конгрессмена Джеймса Роберта Менна (1856–1922), запрещающий перевозить женщин из одного штата в другой в аморальных целях.

⁵ Диллинджер – известный американский гангстер.

10

Худой черноглазый ювелир стоял у входа в свой магазин в той же позе, как и накануне. Когда я появился, он бросил на меня такой же многозначительный взгляд. Ничего не изменилось и в книжной лавке: та же лампа, тот же маленький секретер в углу, та же блондинка с пепельными волосами, в том же черном, под замшу, платье, с такой же, как и в прошлый раз, фальшивой улыбочкой на лице.

– Что вам?.. – вставая мне навстречу, начала она и осеклась. Вздогнули пальцы с серебряными ногтями. На губах заиграла натянутая улыбка. Вернее, гримаса.

– Это опять я, – весело сказал я и помахал сигаретой. – Сегодня мистер Гейгер в магазине?

– К... к сожалению, нет. Н... нет. Простите... вы... вы, кажется... хотели...

Я сдернул темные очки и мягко постучал дужкой по кисти левой руки. Я был само женоподобное изящество – если только можно назвать изящным существо весом в сто девяносто фунтов.

– Вчера я морочил вам голову, – прошептал я. – Что поделаешь – работа такая. У меня кое-что для него есть. Он об этом давно мечтал.

Пальцы с серебряными ногтями нервно пробежали по пепельным волосам над маленьким, оттянутым под тяжестью клипсы ухом.

– Так вы... поставщик, – сказала она. – Знаете что... приходите завтра. Завтра, я думаю, он будет.

– Не валяйте дурака, – сказал я. – Знаю я, как эти дела делаются.

Ее глаза сузились и сверкнули зеленоватым огоньком, словно ручеек в чаще леса. Она вцепилась своими длинными ногтями себе в ладонь, придирчиво на меня посмотрела и выдохнула воздух.

– Он болен? Я мог бы зайти к нему домой, – поспешил сказать я. – Время ведь не ждет...

– Вы... вы... вы... – Блондинка лишилась дара речи и, казалось, вот-вот лишится чувств. Она дрожала всем телом, а щеки у нее тряслись, точно поднявшееся тесто. Наконец, с большим трудом, она взяла себя в руки и изобразила улыбку. – Понимаете... – выжала она из себя. – Понимаете, его нет в городе. Поэтому... к нему домой ехать бессмысленно. Вы не могли бы... прийти сюда завтра?

Только я открыл рот, чтобы ей возразить, как дверь в перегородке приоткрылась и из-за нее выглянул высокий смуглый красивый парень в короткой кожаной куртке с бледным лицом и плотно сжатыми губами. Увидев меня, он тут же захлопнул дверь снова, однако я успел заметить деревянные ящики, стоявшие на полу у него за спиной. Они были выложены газетами и как попало набиты книгами. Упаковывал ящики какой-то тип в новеньком комбинезоне: товар Гейгера переправлялся в укромное место.

Когда дверь в перегородке закрылась, я опять водрузил на нос темные очки и, приподняв шляпу, сказал блондинке:

– Что ж, завтра так завтра. С удовольствием вручил бы вам свою визитную карточку, но вы же сами понимаете...

– Да-да, понимаю. – Блондинка опять вздрогнула и издала, надув ярко накрашенные губки, какой-то едва слышный свистящий звук, а я вышел на улицу, прошел по бульвару до перекрестка, повернул за угол и по узкой, параллельной бульвару улочке подошел к магазину сзади.

Перед дверью в книжную лавку стоял небольшой фургон черного цвета с решетчатыми бортами. Тип в новеньком комбинезоне выносил из магазина ящики и складывал их в кузов.

Я вернулся на бульвар, прошел квартал в сторону гейгеровского магазина и увидел стоящее у пожарного крана такси. За рулем сидел румяный парень и читал комиксы.

Я просунул голову в машину, показал таксисту доллар и сказал:

– Покатаемся? Надо одного типа выследить.

Он осмотрел меня с ног до головы.

– Сыщик?

– Частный.

Таксист заткнул журнал за зеркало заднего вида и с улыбкой сказал:

– Годится. Эта работа по мне, шеф.

Я сел в такси, мы свернули с бульвара в переулок и остановились против заднего входа в магазин Гейгера, рядом с еще одним пожарным краном.

Сложив в кузов десятка полтора ящиков, тип в новеньком комбинезоне закрыл задние дверцы фургона, поднял подножку и сел в кабину.

– За ним, – скомандовал я таксисту.

Тип в комбинезоне завел мотор, зыркнул глазами по переулку и, проехав назад, свернул налево. Свернули и мы. Я заметил, что фургон повернул в сторону Франклина, и велел таксисту догнать его, но, когда мы доехали до Франклина, фургон опережал нас уже квартала на два. По дороге на Вайн, в самом Вайне и всю дорогу до Уэстерна фургон маячил далеко впереди. Дорога была забита, и моему краснощекому шоферу никак не удавалось сократить дистанцию. Я сделал ему внушение, но тут фургон, оторвавшийся от нас на весьма почтительное расстояние, свернул опять, на этот раз на Британни-плейс. Когда же вслед за ним свернули туда и мы, грузовик исчез.

Краснощекий промямлил через стеклянную перегородку что-то в свое оправдание, и мы поехали в гору со скоростью четыре мили в час, вертя головами во все стороны: а вдруг фургон спрятался в кустах? Через два квартала, на перекрестке Британни-плейс с Рэнделл-плейс, перед нами вырос белый многоэтажный жилой дом, который фасадом выходил на Рэнделл, а въездом в подземный гараж – на Британни. Мы медленно ехали мимо дома, и таксист утешал меня, что фургон не мог далеко уехать, но тут, повернув голову, я совершенно неожиданно увидел, что фургон с открытой задней дверцей стоит под аркой белого здания, у въезда в гараж.

Мы обогнули дом, остановились у подъезда, и я вошел внутрь. В холле было пусто, домофон отсутствовал, над стоявшим у стены письменным столом тянулся длинный ряд выкрашенных в золотистый цвет почтовых ящиков. Я пробежал глазами фамилии жильцов. Квартуру под номером четыреста пять занимал некто Джозеф Броди. В свое время Джо Броди получил от генерала Стернвуда пять тысяч долларов за то, чтоб он, Джо, отстал от Кармен и занялся какой-нибудь другой девицей. Возможно, владелец квартиры номер четыреста пять Джозеф Броди и вымогатель Джо Броди – одно и то же лицо. Возможно, и даже очень.

Я прошел вдоль стены к шахте лифта. Его крыша находилась на одном уровне с полом. Наверх вела выложенная кафелем лестница. Рядом была дверь с надписью «Гараж». Я открыл ее и по узким ступенькам спустился в подвал. Дверь лифта была открыта. Тип в новеньком комбинезоне, тяжело дыша, грузил в кабину ящики с книгами. Я остановился поодаль, закурил и стал наблюдать, как он носит книги. Ему это явно не понравилось.

– Смотри, как бы перевеса не получилось, – сказал я, помолчав. – Больше полутонны этот лифт не подымает. Кому товар везешь?

– Броди, в четыреста пятую, – ответил грузчик. – А ты кто, управляющий?

– Он. Добра, я вижу, тут хватает.

– Тоже мне добро! Книги это, – буркнул грузчик, метнув на меня злобный взгляд светлых, с белым ободком глаз. – Каждая коробка, считай, сто фунтов весит. Что ж мне их, на своем горбу носить?

– Главное, чтобы перевеса не было, – повторил я.

Загрузив шесть ящиков, он вошел в лифт и захлопнул дверцы, а я поднялся в холл, вышел на улицу, сел в такси и поехал в центр, к себе в контору. Краснощекому я заплатил гораздо больше, чем он заслуживал, а он в благодарность вручил мне свою измятую визитную карточку, которую я, против обыкновения, не стал выбрасывать в стоявшую у лифта керамическую вазу с песком.

На седьмом этаже я снимал под контору полторы комнаты. Полторы, потому что одна комната была перегороджена на собственно кабинет и приемную. На двери, ведущей в приемную, значилась моя фамилия – только фамилия, и ничего больше. Дверь в приемную я никогда не запираю, чтобы было где меня подождать, если клиент явится в мое отсутствие.

Клиент явился в мое отсутствие.

11

Она была в бежевом в горошек шерстяном костюме, в рубашке мужского покроя с галстуком и в тупоносых туфлях на низком каблуке. Чулки такие же тонкие, как и накануне, но юбка на этот раз прикрывала колени. Блестящие черные волосы выбивались из-под маленькой шляпки с пером, стоившей никак не меньше пятидесяти долларов, хотя на первый взгляд кажется, что такую шляпку без всякого труда можно соорудить одной рукой из листа бумаги.

– Лучше поздно, чем никогда! – воскликнула она и, брезгливо сморщив нос, оглядела нехитрую обстановку моей приемной: обитая красной полинявшей материей тахта, два не слишком уютных кресла, давно не стиранные тюлевые занавески на окнах и детский столик с серьезными – для вида – журналами. – А я уж решила, что вы работаете в постели – как Марсель Пруст.

– Кто это такой? – Я сунул в рот сигарету, закурил и посмотрел на нее. Лицо бледное, встревоженное, но собой владеет неплохо.

– Французский писатель, живописал пороки. Вы его не знаете.

– Какая жалость, – огорчился я. – Ну-с, прошу в мой будуар.

Она встала.

– Мы с вами вчера не ладили. Возможно, я погорячилась.

– Мы оба погорячились, – откликнулся я, открыл дверь и пропустил миссис Риган внутрь.

Кабинетом я тоже похвастаться не мог: ковер не первой молодости, да еще какого-то бурого цвета; в углу пять зеленых ящиков с картотекой, в основном – по Калифорнии; на стене отрывной календарь, на котором изображены катающиеся по небесно-голубому ковру пятеро малюток-близнецов в розовых платицах, с каштановыми волосами и живыми черными глазенками величиной со спелую сливу. В кабинете было также три стула под орех, стандартный письменный стол с блокнотом, чернильным прибором, пепельницей и телефоном, а у стола – скрипучий вращающийся стул, тоже стандартный.

– У вас могло бы быть и поуютнее, – изрекла миссис Риган, садясь к столу.

Я подошел к почтовой прорези, извлек шесть конвертов (два письма и четыре рекламных объявления), повесил шляпу на телефон, сел за стол и сказал:

– У Пинкертонов тоже неуютно, не думайте. Нашей профессией много не заработаешь, если, конечно, не жульничать. Когда в кабинете сыщика уютно, это означает, что сыщик богат или же рассчитывает разбогатеть.

– Так вы, значит, не жульничаете? – Она открыла сумочку, достала из французского эмалированного портсигара сигарету, вынула зажигалку, закурила, бросила портсигар и зажигалку обратно в сумку и опустила ее на колени, не закрывая.

– Упаси бог.

– Почему же тогда вы избрали такую нечистоплотную профессию?

– А почему вы вышли замуж за бутлегера?

– Господи, давайте не будем снова ссориться. Я все утро пытаюсь вам дозвониться. И сюда звонила, и на квартиру.

– По поводу Оуэна?

Она нахмурилась и тихим голосом проговорила:

– Бедный Оуэн. Стало быть, вы все знаете?

– Следователь из окружной прокуратуры сегодня утром возил меня в Лидо. Он думал, что я в курсе дела, а оказалось, сам он знает куда больше меня. Например, ему известно, что в свое время Оуэн хотел жениться на вашей сестре.

Миссис Риган молча курила, поедая меня своими пронзительными черными глазами.

– А что, это было бы совсем не так уж плохо, – быстро проговорила она. – Он ведь любил ее, а такое в нашем кругу встречается не часто.

– Да, но он сидел.

– Подумаешь, были бы связи – не сидел бы, – небрежно бросила она, пожав плечами. – В этой бандитской стране связи решают все.

– Ну, это вы, положим, преувеличиваете.

По-прежнему не сводя с меня глаз, она стянула перчатку с правой руки и прикусила палец.

– Я к вам пришла не из-за Оуэна. Скажите, вы по-прежнему отказываетесь рассказать мне, по какой причине вас вызывал отец?

– Только с его разрешения.

– Из-за Кармен?

– Даже этого не могу вам сказать. – Я кончил набивать трубку и поднес к ней спичку.

Некоторое время миссис Риган молча смотрела на дым, а потом опять полезла в сумочку, достала оттуда толстый белый конверт и бросила его на стол.

– Полюбуйтесь.

Я взял конверт в руки. Адрес был напечатан на машинке:

«Миссис Вивьен Риган, 3765, Алта-Бриа-Креснт, Уэст-Голливуд». Отправлено письмо не почтой, а с посыльным. Время отправки: восемь тридцать пять утра. Я открыл конверт и вынул оттуда глянцевую фотографию размером 4,25 x 3,25 дюйма.

Фотографию Кармен. Девушка восседала на возвышении, на гейгеровском стуле из тикового дерева с высокой спинкой. В ушах – нефритовые сережки, одета в костюм Евы, глаза – еще безумнее, чем в жизни. На оборотной стороне ничего не написано.

– И сколько же такая фотография стоит? – спросил я, вкладывая снимок обратно в конверт.

– Пять тысяч – за негатив и за все отпечатанные копии. Деньги она требует сегодня же, в противном случае грозит передать фотографию в какую-нибудь бульварную газетенку.

– Кто «она»?

– Через полчаса после того, как принесли письмо, по телефону позвонила какая-то женщина.

– Насчет бульварной газетенки можете не волноваться. Если эта женщина поместит фотографию, упечь ее за решетку ничего не стоит – сейчас с такими не церемонятся. Еще угрозы были?

– А вам мало?

– Да, мало.

Миссис Риган озадаченно посмотрела на меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.